

Я обожаю Берлин до дрожи в коленках. Я не знаю, чем он порадует меня завтра. Сегодня это не имеет значения — я сижу в кафе «Йости» на Потсдамской площади, вокруг меня простор и мраморные колонны. (...) Я всегда прогуливалась по Лейпцигской и Потсдамской площадям. Из кинотеатров раздавалась музыка (...), и все вокруг пело.

*Ирмгард Койн,
«Девушка из искусственного шелка»
(Das kunstseidene Mädchen), 1932*

ПРОЛОГ

Четверг, 13 февраля 1902 г.

Рут во весь дух неслась по темным переулкам. Снег заглушал топот ее сапог. Услышав протяжный, похожий на волчий, вой собаки, раздававшийся эхом над низкими крышами штетла¹, она остановилась и испуганно осмотрелась. Сердце бешено колотилось. Переведя дыхание, Рут побежала дальше. Старалась ступать легко, едва касаясь земли подошвами сапог. Было трудно быстро бежать, почти лететь, и при этом не поскользнуться.

Во всех окнах давно погас свет, жители еврейского квартала в галицийском городке спали. Тут и там ветер хлопал ставнями. Коровы мычали во сне в своих коровниках позади приземистых хижин.

Лишь бы никто не вышел, чтобы справить свою нужду за углом!

Рут продолжала бежать. Свернула из Сапожного переулка в Пекарский, где жила ее семья. Ей был знаком здесь каждый камень, каждый водосточный желоб, каждая черепица. Но

¹ Небольшое поселение полугородского типа с преобладающим еврейским населением в Восточной Европе в исторический период до Холокоста (*здесь и далее прим. ред.*).

в свете луны штетл казался чужим и словно заколдованным. Что за волшебник заколдовал его, злой или добрый? Кто его знает. Однако Рут знала наверняка, что ее поступок делал из нее прокаженную, неприкасаемую, отвергнутую собственными родителями и женихом. Узнав, что она сотворила, Рут проклянут быстрее, чем она успеет прочитать *Шма Исраэль*¹. Но отчего же каждая клеточка ее тела излучала счастье? Затягивая потуже платок на своих густых локонах, Рут представила *его* — его руки, улыбку, запах кожи и клея, — и ее охватил озноб. Из-за родинки над губой юного сапожника прозвали *Червовым Валетом*. Прозвище шло ему, считала Рут. Он был чудесный, красивый и добрый, как ангел. Но не еврей. Запрет они нарушили уже в третий раз, в темном углу его мастерской, посреди ночи, и лишь снег, падающий за окнами, был тому свидетелем. Неверный поступок. Рут была сосватана Абрахаму Ротману и должна через считанные недели, еще до Песаха², стоять с ним под хупой³. Ее отец пригласил всю родню и знакомых: когда выдаешь замуж единственную дочь, мелочиться нельзя, как бы плохо ни шли дела. Жених — сильный и работающий подмастерье с коммерческой жилкой, который сможет занять место отца Рут в пекарне, когда тот состарится. Пекарня в этот день наполнится ароматами сдобных «косичек», маковой выпечки и *кугеля*. Мать всплакнет. Рут же, стиснув зубы, будет радостно улыбаться, как и подобает невестам. Но пока есть время, она не в силах противиться худому, размышляла она, приближаясь к родительскому дому. Худое кажется правильным.

Днем, когда она сидела с матерью и маленькими братьями в тесной избе или подметала двор, ночи представлялись ей чем-то ненастоящим. Как будто не она, Рут, бегала к чужому

¹ Важнейшая еврейская молитва.

² Еврейская Пасха.

³ Балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии своего бракосочетания.

мужчине в сапожную мастерскую, а другая, падшая женщина, заплетавшая свои непослушные кудри в нетугие косички. Женщина, рисковавшая всем ради любви. Но стоило сумеркам накрыть штетл, как в груди Рут что-то екало, словно сапожник привязал к ее сердцу шелковую нить и тянул за нее каждый вечер. Она выжидала, пока родители заснут, напряженно прислушивалась к спокойному ровному дыханию братьев в спальне, и тогда уже, открыв створку низкого окна, выбиралась на ледяную улицу. Она знала, это было чистое сумасшествие: ведь ночи в мастерской могут иметь последствия. Как любила повторять старая София, помогавшая по понедельникам с уборкой в пекарне, любовь — это безумство, и причиняет беды, если потерять осторожность.

...Где же моя осторожность, вопрошала себя Рут, с трудом сдерживая ликование, и открыв створку окна с помощью заранее привязанного к нему шнура, и ловко, словно угорь, проскользнула в комнату. Ведь никогда прежде в своей маленькой жизни она не была так счастлива.

Г.

Воскресенье, 21 октября 1923 г.

— Фройляйн Хульда! — позвал Берт, продавец газет с Винтерфельдской площади, и оживленно замахал руками.

Всегда одет с иголки, фланелевый костюм и шляпа в тон; в его неотапливаемом павильоне в это время года бывало прохладно, поэтому поверх пиджака он накинул черное бархатное пальто. На шее красовалась бордовая шелковая бабочка — признак того, что сегодня воскресенье.

Надо же — в любую погоду он выглядит, как гость на торжественном ужине, а не как площадный торговец газетами, улыбнувшись, подумала Хульда. Подойдя поближе, она заметила, что обшлага рукавов изрядно потерты — значит, Берта кризис тоже не пощадил. Нужда, господствующая еще с начала войны, которая давно закончилась, коснулась и его.

— Что пишут в газетах? — поинтересовалась Хульда, поставив тяжелую кожаную сумку на землю и растирая пальцы, которые саднило из-за врезавшихся в них ручек. Она работала акушеркой и постоянно таскала с собой, как ей казалось, половину медицинского кабинета. Всевозможные снадобья, настойки, слуховую трубку, компрессы, прокладки. Даже по воскресеньям, когда у других был выход-

ной, она работала: ведь новорожденные не появлялись на свет согласно календарю.

Берт специально вышел из своей будки, поклонился и поцеловал ей руку.

— Я как в лечебнице для умалишенных, — ответил он, поглаживая свои вощенные усы. — Настали безумные времена. Опять вышли новые банкноты, невероятно...

Порывшись в кармане, Берт протянул Хульде бумажку:

— Банкнота вообще-то старая. Но надпись новая.

Хульда взяла деньги и не поверила своим глазам. На банкноте номиналом в тысячу марок теперь поверх цифр было напечатано красным жирным шрифтом: «10 миллиардов». При виде такого абсурда она фыркнула — банкнота напоминала игрушечные деньги фантастической страны. Но нет, это были немецкие деньги, настоящие и в меру платежеспособные.

Если еще несколько месяцев назад никто в стране не расхаживал бы с такой суммой в кошельке, то сегодня на нее можно было купить только самые необходимые продукты.

— Один из моих покупателей работает в службе инкассации при Рейхсбанке, — начал Берт и покачал головой. — Он утверждает, что у них пачки бумажных денег громоздятся на столах высокими башнями. Курьеры их развозят в грузовиках. Скоро будет дешевле использовать банкноты вместо обоев или разжигать ими печь, чем что-то на них купить.

— Почему политики ничего не предпринимают? — спросила Хульда, нахмурил лоб. — Сколько такое будет продолжаться?

— Политики проводят время в спорах о возможном решении проблемы, — изрек Берт. — Штреземан, по крайней мере, прекратил этот злосчастный Рурский конфликт. Сейчас необходима срочная стабилизация валюты, иначе все пойдет к чертям собачьим.

— Мне это непонятно, — призналась Хульда, робея, как обычно, когда речь шла о гиперинфляции, логика которой

оставалась для нее непостижимой. Политика всегда была для нее тайной за семью печатями, как и мир чисел. Между тем было невозможно избежать политики во времена кризиса — она касалась всех, от мала до велика, хотели они этого или нет.

— Как все могло так далеко зайти? — поражалась Хульда, просматривая заголовки на стенде Берта. Осенний ветер трепал газетные листы, мешая читать.

— Деньги подобны живым существам, которые проскальзывают у нас между пальцами, — объяснил Берт. — Они живут по своим законам, и мы, люди, их слишком долго игнорировали. А теперь марка обценилась настолько, что я не представляю, как вернуть ее хотя бы на прежний уровень...

— Разве Штреземан не собирался положить этому конец? — Хульда где-то вычитала эту мысль и слегка гордилась скромной толикой знаний, благодаря которой она сумела поддержать разговор.

— Это наша последняя надежда, — проговорил Берт, и Хульда заметила мрачный и озабоченный взгляд, который совсем не сочетался с его дружелюбной натурой. — Он должен наконец-то взять управление в свои руки и остановить обвал экономики, иначе нас ждет полный крах.

Хульде стало не по себе. Она обычно старалась держаться подальше от всего этого. Ее жизнь была и без того полна забот о роженицах, усталости и нехватки денег. Был еще таинственный комиссар Карл, с которым она год назад вступила в связь, шаткую, как былинка на ветру.

Ей до сих пор не удалось его раскусить. Настроение его менялось чаще, чем апрельская погода в Берлине. Мысли о его светлых глазах за расколотыми стеклами очков, которые он не заменял из беспечности, вызвали у Хульды улыбку.

Проницательный взгляд Берта вогнал ее в краску.

— Даю триллион марок за ваши мысли, — улынулся Берт своей загадочной улыбкой, которую она так любила, в то же время опасаясь, что он над ней подтрунивает. Хульда знала

Берта с детства и каждый раз в разговоре с ним чувствовала себя маленькой девочкой.

— Простите, Берт. Что вы сказали?

— Ничего особенного. Лишь то, что нашу славную страну ожидает хаос и анархия, множество смертей и борьба не на жизнь, а на смерть.

Хульда испытующе взглянула на торговца газетами. Он шутит или говорит серьезно? Очевидно и то, и другое, подумала она с тревогой.

— Фройляйн Хульда, — дружелюбно сказал Берт, кладя ей руку на плечо. — Я не думал вас пугать. Все как-нибудь обрзается. Ведь иначе и быть не может, правда?

Она неубедительно кивнула и перевела взгляд на площадь, которая постепенно наполнялась верующими, выходящими с воскресного богослужения из церкви святого Матиаса. На мгновение Хульда оторопела, не веря своим глазам. И тут узнала пастора в черной сутане. Рядом с собой он поставил огромную корзину для белья, в которую его паства при выходе бросала банкноты, словно увядшую листву.

— Пастор фон Гален собирает деньги, — заметил Берт, щурясь от лучей блеклого октябрьского солнца, которое тут же снова скрылось за серыми облаками. — Тарелка для сбора пожертвований стала маловата. Кто его знает, может через неделю он выставит ванну или сразу целый грузовик.

Хульда хихикнула — картина казалась безумной. Но смех застрял у нее в горле, когда она узнала пару, выходящую из церкви. Плотный мужчина в коричневом костюме, с кепкой в руке, ведущий под руку изящную блондинку.

— А, господин Винтер-младший, — прощелбетал Берт с едва заметной насмешкой в голосе, — и обворожительная Хелена.

— Самая красивая пара на площади, — язвительно бросила Хульда, отвернувшись с показным безразличием.

Но Берта невозможно было обмануть.

— Сердце до сих пор обливается кровью? — спросил он, вскинув брови.

Хульда покачала головой и постаралась придать лицу равнодушное выражение:

— Что прошло, то прошло.

— Вы повторяетесь, фройляйн, — заметил Берт. — А кто повторяется, тот обманывает, вам это известно?

— Боже, чего вы ко мне привязались? — с раздражением спросила Хульда. — Вам же известно, что Феликс — это бородатая история.

Жестом она продемонстрировала длину бороды.

— Кроме того, я тоже давно несвободна.

— Красавец комиссар, я о нем наслышан, — понимающе кивнул Берт. — Когда мне официально его представят?

— Вы же знакомы, — сказала Хульда, замечая в своем голосе нотки упрямства.

— То была лишь одна случайная встреча год назад, когда ваш покорный слуга указал ему дорогу к вам. — Берт стряхнул с рукава несуществующую пылинку: — С тех пор его тут редко видели. Вы не находите, что я, как ваш старый верный друг, заслужил честь познакомиться поближе с мужчиной вашего сердца, разве что... — Он не договорил и посмотрел на Хульду с многозначительным молчанием.

— Что? — нетерпеливо спросила Хульда, заранее зная, что не хочет услышать ответа.

— Разве что вы оба совсем не уверены в том, что на самом деле с вашими сердцами.

— Какой вздор! — раздраженно отмахнулась она. — Вы такой же балабол, как моя хозяйка.

— Ах, госпожа Вундерлих! — Лицо Берта приняло мечтательное выражение. — У этой дамы настоящий нюх на вещи подобного рода.

— С вашего позволения, Берт, мне плевать на нюх госпожи Вундерлих. И на ваш в том числе.

С этими словами Хульда подхватила сумку, развернулась и направилась прочь от киоска. Уже в следующий момент она пожалела о своем грубом прощании, потому что чуть не столкнулась нос к носу с Феликсом Винтером, с которым она несколько лет назад была помолвлена и который пересекал площадь под ручку со своей новоиспеченной женой.

— День добрый, Хульда, — поздоровался Феликс, доверчиво глядя на Хульду своими карими глазами. Но за теплым взглядом чувствовалась нервозность. — Как дела?

— Спасибо, хорошо, — ответила Хульда, неловко глядя на Хелену, которая стояла чуть поодаль, поправляя на себе розовое шелковое платье и плотнее кутаясь в шерстяное пальто. Хелена сосредоточенно рассматривала астры в горшках у цветочного ларька. Хозяйка ларька поджидала воскресных гуляющих, которые могли купить подарок или цветы на кладбище.

Нужда, сильно коснувшаяся многих берлинцев, вероятно, обошла Хелену стороной.

— А у тебя?

— Не жалуюсь, — сухо ответил Феликс. Хульду аж холодом обдало. — Кафе процветает. Все живы и здоровы.

Переступив с ноги на ногу, Феликс пробормотал:

— Нам пора идти, нас ждет матушка.

— Мясной рулет с вареной картошкой? — спросила Хульда и улыбнулась. Она очень хорошо помнила, как искусно готовила Вильгельмина Винтер. По мнению Хульды, это было единственное положительное качество матери Феликса, которая отличалась сварливостью и была узколобой.

Феликс улыбнулся в ответ и на мгновение преобразился в прежнего — веселого и лукавого.

— Ты обычно по два раза просила добавки, — вспомнил он. — Ты всегда была обжорой.

— Кто бы говорил! — парировала Хульда, смеясь. Она заметила кислую мину Хелены, которая подошла к Феликсу и

белоснежной рукой с безупречно отполированными ногтями коснулась рукава его жакета.

— Нам пора, дорогой Феликс, — сказала она, не удостоив Хульду взглядом. Ее жеманный голос и манера говорить слегка в нос сразу же показались Хульде неприятными. — Ты знаешь, — кокетливо добавила Хелен, — в моем положении долго стоять вредно.

Хульда открыла рот и снова закрыла, как вытасченная из воды рыба. Она уставилась на Феликса, которому сделалось неловко от того, что Хелена с бухты-барахты разболтала новость. И, стараясь дышать ровно, проговорила:

— Что ж, поздравляю.

— Премного благодарны, — впервые посмотрев прямо на Хульду, промолвила Хелена и милостиво кивнула. Ее светлоглазые глаза были круглыми и бесчувственными, как у куклы. Хотя нет, сейчас они выражали кое-что, от чего Хульда судорожно слотнула. Триумф.

Внимание Хелены привлекла висевшая на крючке в киоске Берта газета «Фоссише Цайтунг» с фотографией Штреземана на титульном листе. Округлый череп с редкими волосами было легко узнать. Лицо женщины приняло кислое выражение.

— Этот диктатор со своей шайкой еврейских пособников. Отказом Рура от пассивного сопротивления он опозорил страну! — сказала Хелена и повернулась к Феликсу: — Папа разнервничается. Когда мы на выходных будем в гостях у моих родителей, прошу тебя, ради бога, не упоминай ни его имени, ни этого Секта, предателя Родины, который обзывает себя главнокомандующим рейхсвера и делит постель с еврейкой.

Феликс неловко откашлялся.

— Нам действительно пора, — сказал он, кивнув Хульде еще раз и взяв свою белокурую жену под ручку, торопливо удалился.

Хульда проследила взглядом, как они прошли через площадь в северном направлении, где на прилежащей улочке располагался дом семьи Винтер.

Берт вышел из будки.

— Черт побери! — вырвалось у него, и Хульда обернулась. — Вот это новости. Достойные чуть ли не экстренного выпуска, согласитесь? Может быть проинформировать прессу: тогда я тоже заработаю немного за распространение такой неслыханной истории? — Он цокнул языком. — Надеюсь, глупость не передается по наследству. В конце концов бедный малыш не виноват в том, что его мать происходит из семьи нацистов.

— Я бы на вашем месте попридержала язык, — вставила Хульда и сердито покачала головой. Сумку она снова поставила на землю. — Мне показалось, Феликсу неловко от того, что все кругом узнают новость таким образом. Беременность пока на ранней стадии: ведь Хелена до сих пор тоненькая как тростинка.

Она провела ладонями по бедрам, которые ей вдруг показались шире, чем обычно. Сегодня на ней была одежда медсестры — серый костюм и белая блуза, в котором она совершала обход женщин, нуждающихся в услугах акушерки. Не потому, что все это было особо удобно. А потому, что служебная форма придавала беременным, роженицам и их семьям чувство уверенности, что они находятся в надежных руках.

Однако сегодня, вспомнила Хульда, ей придется заменить белую шапочку, покрывавшую ее короткие темные волосы, на платок. Быстрым движением она открыла сумку и вынула простой хлопчатобумажный платок. Повязав его вокруг головы, она провела пальцами по краю платка, проверяя, не торчит ли где волосинка, которую нужно спрятать.

Берт с удивлением наблюдал за ней.

— Фройляйн Хульда, — спросил он, — когда вы успели вступить в орден?

— Да ни в какой орден я не вступала, — разуверила она, приглаживая платок. — Просто сейчас я поеду на электричке в Митте, старый пригород Шпандау.

— В квартал Шойненфиртель, насколько я могу судить по вашему наряду, — заметил Берт.

Хульда изумленно кивнула:

— Как вы догадались?

— Не вы одна обладаете хорошим чутьем, — засмеялся он. — Где же еще в Берлине женщины покрывают голову так тщательно, словно чьи-то взгляды могут у них что-то отнять?

Хульда кивнула: Берт был прав. Столичная мода предоставляла больше свободы. Юбки оголяли ноги аж до колен, а то и выше; , многие современные дамы ходили с непокрытыми головами.

— Мне нужно к беременной, которая живет в ортодоксальной семье.

— Чем вы заслужили такую честь?

Акушерка заколебалась:

— Вы же знакомы с моим отцом?

— Конечно. Талантливый художник! Очень жаль, что он давно покинул наш замечательный квартал. Мы с ним часто вели беседы об искусстве и курили сигары.

— Сейчас он живет в округе Шарлоттенбург. Я слышала, что у него квартира с ателье и окнами до потолка. Я там еще ни разу не была. — Хульда набрала воздуха и добавила скороговоркой: — Во всяком случае он поддерживает контакт с евреями через академию искусств. Я имею в виду с другими евреями, из Галиции.

— С бедными евреями, — сказал Берт, насторожившись.

Он был прав: жители квартала Шойненфиртель не блистали образованием и достатком, в отличие от еврейских банкиров и адвокатов, проживающих в районе реформист-